

(въ числѣ 2-хъ штабъ-офицеровъ, 13 оберъ-офицеровъ и 791 человека нижнихъ чиновъ). На другой день, 20-го числа, прибылъ изъ укрѣпленія Лабинскаго Донской казачій № 35 полкъ, подъ командою Полковника Макарова (въ числѣ 1-го штабъ-офицера, 13 оберъ-офицеровъ и 828 человекъ нижнихъ чиновъ); а 21-го числа выступили: въ Александрополь, подвижной запасный паркъ 19-й артиллерійской бригады, подъ командою подполковника Путинцова (въ числѣ штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 2 и нижнихъ чиновъ 258 человекъ), и въ селеніе Какабеты, Сигнахскаго уезда, Донской казачій № 18 полкъ, подъ командою подполковника Абакумова (въ числѣ штабъ-офицеровъ 2-хъ, оберъ-офицеровъ 13 и нижнихъ чиновъ 791 человекъ).

— Чиновники и канцелярскіе чины Карантинной и Таможенной Управленія на Кавказской Линіи, желая принести дань настоящей священной войнѣ, пожертвовали на военныя издержки *сто пятьдесятъ* рублей серебромъ.

— Торгующіе въ Пятигорскѣ прикащики: купца Сербинова, казенный крестьянинъ Нижегородской губерніи, Иванъ *Акимовъ*, и Шумова — казенный же крестьянинъ Московской губерніи Коломенскаго уезда, Кузьма *Афонасевъ*, при выступленіи въ походъ резервной легкой батареи Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады, пожертвовали на покупку винной порціи и по калачу для нижнихъ чиновъ батареи, каждый по 20 руб., — всего *сорокъ* рублей.

— Ачикулак-Джембойдуковское Общество и Калаусо-Саблинскій и Бештау-Кумскій народъ, Ставропольской губерніи, по случаю нынѣшней войны съ Турками, пожертвовали: первое 40 быковъ для работъ по усмотрѣнію Начальства, а послѣдній 150 быковъ, на порціи нашимъ войскамъ.

— Командиръ 3-го Резервнаго Сапернаго баталіона, отъ 7-го апрѣля, № 879, доставилъ *два* руб. *восемьдесятъ* коп., пожертвованные въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ, вдовою рядоваго вѣреннаго ему баталіона Романа *Хромова*, Марію Акинѣеву, доставшіеся ей послѣ смерти мужа.

— Начальникъ Гурійскаго отряда, отъ 8 марта № 240, представилъ *двести* рублей, пожертвованные Капитанъ-Лейтенантомъ *Савиничемъ* и Прапорщикомъ Мингрельской дружины княземъ *Микадзе*, первымъ 150 руб., а послѣднимъ 50 руб. въ пользу матросовъ Черноморскаго Флота, раненыхъ при оборонѣ Севастополя.

При торжественномъ принятіи присяги шушинскими жителями на вѣрность подданства Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу и Наслѣднику Его, Государю Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, шушинскій почетный *Мирза-Мамедъ-Али Молла-Гасанъ-Оглы Карабагскій* произнесъ по

этому случаю, въ одной изъ мечетей, на татарскомъ языкѣ рѣчь; вотъ возможно-близкій ея переводъ:

«Начинаю во имя Аллаха, лучшее изъ всехъ именъ.

Боже, слава и благодареніе Тебѣ, Единому, Вѣчному и Всеобладателю. Ты отдаешь власть, кому захочешь и отнимаешь ее, у кого захочешь! Благодарю Тебя, Боже, Твоего друга, благочестиваго Магомета и его благородныхъ святыхъ потомковъ, особенно его наслѣдника и преемника Алія!

Гг. сограждане! Всякому благомыслящему человеку известно, что Государь есть избранникъ Божій, какъ это доказывается изрѣченіемъ пророка: «Правдивый царь есть тѣнь Божія на землѣ» и текстомъ изъ корана «Богъ жалуетъ власть, кому захочетъ и отнимаетъ ее, у кого захочетъ.»

И такъ мы уже болѣе двухъ вѣковъ (*) вѣрны Всемогущимъ Богомъ Августѣйшему Россійскому Монарху и подъ покровительствомъ Его мы вполне блаженствовали, особенно въ теченіе тридцати-лѣтняго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича. Это такая истина, что не требуетъ никакихъ съ моей стороны доказательствъ, и поэтому я, не распространяясь, продолжаю: Господу Богу угодно было лишить насъ сего благодѣтельнаго Царя. И Его Величество, переходя изъ временной жизни въ вѣчную, вмѣстѣ съ своимъ трономъ передалъ насъ своему законному Наслѣднику и Преемнику Александру Николаевичу. Мы собрались въ храмъ Божій присягать въ вѣрности Его Императорскому Величеству. Мы должны исполнить этотъ обрядъ; но не забудьте, что и безъ того мы обязаны религіею быть вѣрными подданными Его Величества; ибо въ коранѣ сказано: «Повинуйтесь Богу, пророку и вашему властителю.» Впрочемъ, не говоря уже ни о присягѣ, ни о коранѣ; сравнивая настоящее наше положеніе съ прошедшимъ и положеніемъ своихъ сосѣдей, можемъ ли мы не обожать своего Монарха? За всеъ тѣмъ я, вашъ старый и постоянный Богомолецъ, побужденный вѣроподданническими чувствами, умоляю васъ: при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда завистливые враги возстали противъ нашего Царя и Отечества, являйте себя достойными его сынами, не пожалѣйте ни жизни, ни достоянія для благодѣтельнаго нашего Царя. Этимъ вы угодите Богу, исполните долгъ религіи, требующей отъ васъ повиновенія и усердія своему Царю, какъ о томъ выше сказано, и докажете свѣту, что мусульмане не менѣе другихъ цѣнятъ тѣ благодѣянія, которыми мы пользовались въ теченіе двухъ вѣковъ подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ Россійскаго Монарха; а между тѣмъ, съ поднятыми руками будемъ теперь просить Бога о долгоденствіи и благоденствіи Августѣйшаго Государя нашего Александра Николаевича

(*) У мусульманъ вѣкъ состоитъ изъ тридцати дѣтъ.

была отличная и большущая, снаружи бѣлая, а внутри сѣрымъ сукномъ обтянутая, трапы-же, замѣтилъ я, шелковые. Внутри, вокругъ всей палатки, диваны. Тутъ-же, въ особомъ отдѣленіи, должно быть, и штабъ былъ ихній: офицеровъ было много; они насъ окружили и одинъ сказалъ: «Вы дрались хорошо, новы всѣмъ обязаны тому, что *skonфузили* нашихъ подданныхъ башни-бузуковъ на правомъ флангѣ; а не будь башни-бузуковъ, ничего-бы вы противъ нашихъ четырехъ батарей не сдѣлали». Онъ говоритъ, а я себѣ другое думаю да молчу: пушай, молъ, еще поврѣтъ. А тутъ входитъ другой офицеръ, высокій, на головѣ феска, а самъ въ *пальтъ* изъ черной клеѣнки. Ему всѣ отдали честь и сказали намъ, что онъ иностранецъ: оно и видно было, такъ-какъ по-турецки говорилъ онъ, то-есть, черезъ силу. Вотъ онъ, какъ только вошелъ, такъ и заговорилъ съ нами: «Если-бы, говорить, не подлецы башни-бузуки, мы задали-бы вамъ *фейферу*». А я отвѣчаю, — зло, знаете, меня взяло, что сами дрались не умѣютъ, а на башни-бузуковъ сваливаютъ, — говорю: «пока еще вы намъ задали-бы *фейферу*, а ужъ мы вамъ прописали *фигу*...» На, молъ, съѣшь, да не ври! Долговязый офицеръ засмѣялся и началъ съ своими товарищами по-французски разговаривать. Поговоривши эдакъ съ пять минутъ, предложили намъ: «Не хотите-ли, говорить, водки?» «Отчего-же, говорю, послѣ дождя не мѣшаетъ!» Позвали человека, спросили у него

водки; онъ говоритъ, что нѣтъ, а я думаю: видно, еще послѣ нашей потасовки не успѣли походныхъ запасовъ собрать, т. е. такъ я думаю про себя, а впрочемъ молчу, ни слова!..

Въ это самое время позвали насъ къ мушпру. Пришелъ офицеръ въ красномъ мундирѣ съ серебряными петлицами и повѣлъ насъ въ другое отдѣленіе палатки. Мушпру привсталъ и поклонился намъ, а потомъ спросилъ черезъ переводчика: «Это тѣ самые молодцы, что дрались съ башни-бузуками?» Переводчикъ отвѣчалъ: «Тѣ самые.» — «Молодцы», говорить, — такъ и надо драться, а какъ перестанемъ, приходите, будемъ друзья.» На это мы отвѣчали: «Драться такъ драться, а не драться такъ лучше и въ поле не выходить!» Мушпру засмѣялся и подарилъ намъ каждому по часамъ. Мы взяли и поблагодарили. Тутъ отвели насъ опять въ офицерское отдѣленіе. Офицеры опять къ намъ. Одинъ спрашиваетъ: «Есть-ли у васъ какая нибудь *новизна*, и получаете-ли какія нибудь газеты?» Я говорю: — «что за газеты! Мы никакихъ не получаемъ.» — «А офицеры у васъ развѣ никакихъ новостей не знаютъ?» — У насъ, — говорю, и полковые командиры новостей не знаютъ, — то-есть это я говорю съ тѣмъ, чтобы меня больше ни о чемъ не спрашивали. «Такъ кто-же знаетъ *новизну*?» привзаялся тотъ-же офицеръ, должно быть изъ Поляковъ, такъ какъ онъ по-русски говорилъ на

и Его Наслѣдника Николая Александровича: да сохранить Богъ ихъ отъ всехъ бѣдствій, да ниспослетъ Богъ войскамъ Его побѣду; да сокрушитъ Онъ враговъ нашихъ, которые безъ всякихъ основательныхъ причинъ, изъ одной зависти, желаютъ проливать кровь. Аминь.»

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. (N. Pг. Z.)
Одинъ французскій штабъ-офицеръ пишетъ изъ-подъ Севастополя отъ 22 марта: «Мы держимся хорошо, пока остаемся въ оборонительномъ положеніи, но Богъ знаетъ, что будетъ съ нами, если мы сдѣлаемъ нападеніе. Русскія позиціи на Черной неприступны. Войска ихъ многочисленнѣе нашихъ; мы, вѣроятно, пропадемъ, если миръ не будетъ возстановленъ или если намъ не пришлютъ подкрѣпленія по-крайней-мѣрѣ въ 50,000 человекъ. Русскіе ежеминутно могутъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и болѣзни, чума, холера и тифъ истребятъ насъ. Миръ! миръ! вотъ восклицаніе разсудительной части арміи. Чтобы сдѣлать приступъ, необходимо пожертвовать 35,000 человекъ, имѣя въ виду невѣрный успѣхъ. Я былъ при многихъ осадахъ; но нынѣшняя отличается тѣмъ, что Русскіе скорѣе къ намъ приближаются, чѣмъ мы къ Русскимъ; *наши* фортификаціонныя работы суть послѣдствія *русскихъ* работъ, тогда-какъ слѣдовало бы быть противному. Для чести Франціи я считаю миръ необходимымъ и весьма счастливымъ. Осада ведется неблагоприятно и Севастополь сильнѣе, чѣмъ когда либо. Въ то время, какъ мы сооружаемъ *одну* батарею, Русскіе воздвигаютъ *два*. Это совершенная правда.»

Англія. (Ind. V.) Въ вѣсть-эндскихъ салонахъ говорятъ, что лордъ Джонъ Россель возвратится въ Лондонъ черезъ два недѣли.

— (Zeit) Въ Вест-Эндѣ разнесся слухъ, будто пріѣздъ императора Французовъ въ Англію отложенъ, и даже совершенно не состоится, по причинамъ, которыя этотъ слухъ называетъ таинственными.

— (J. de St.-P.) Балтійскій флотъ, могущественнѣйшее снаряженіе, когда-либо сдѣланное Англіей, вышедъ изъ Спитгеда въ глубокомъ безмолвіи, представляемъ странный контрастъ съ радостными криками, раздававшимися, въ прошломъ году, при отправленіи того же самаго флота. День былъ пасмурный. Королева не присутствовала при отплытіи, чтобы пожелать флоту успѣха; не было судовъ съ разноцвѣтными флагами, наполненныхъ любовными оглашающими воздухъ восторженными восклицаніями. «Герцогъ Веллингтонъ» едва только успѣлъ выйти въ море, какъ уже потерпѣлъ важное поврежденіе, которое задержитъ его на 10 или 12 дней въ Ширнессѣ. Пароходъ «Аѣа» также нуждается въ починкѣ машинъ. Адмиралъ Дондасъ поднималъ флагъ на кораблѣ «Nil».

— (Ind. V.) На митингѣ «Общества мира», происходившемъ въ Манчестерѣ 5 апрѣля, г. Брейтъ произнесъ замѣчательную рѣчь. Вотъ изъ нея извлеченія: «Господа, я думаю, что серьезные люди этой страны были бы очень рады, еслибы имѣли возможность изгладить всѣ ошибки, которыя мы надѣлали въ послѣдніе два года въ войнѣ и дипломатіи. Мы унижены передъ Европой и находимся въ такомъ положеніи, изъ котораго намъ необходимо выйти.

польскій манеръ. Я отвѣчаю: — «Князь Бебутовъ да князь Барятинскій знаютъ.» Офицеръ засмѣялся и опять-таки присталъ: «А вы, — говорить, что знаете?» — А мы то знаемъ, говорю, что какъ ударить въ барабанъ да скажутъ: маршъ впередъ, мы и идемъ впередъ; эту новость мы знаемъ. — «Ну, такъ знайте-же, продолжалъ Полякъ, что у васъ Крошгата въ Одессѣ взята, а надъ Севастополемъ стоятъ и бомбардируютъ.» Я говорю: ну, мы этого не слыхали; была-бы правда, у насъ-бы скорѣе было извѣстно.» Съ тѣмъ Полякъ и отвязался и разговоръ весь кончился. Тутъ завязали намъ глаза и погасилъ тѣмъ-же порядкомъ обратно. Опять прибыли къ башни-бузуцкому Хаджи-Агѣ. Онъ опять принялъ насъ хорошо, потчивалъ чаемъ, кофеемъ; далъ и поужинать и даже уступилъ намъ свою постель, а самъ ушелъ ночевать въ другую палатку, то-есть вѣжливость большую оказалъ, даромъ-что башни-бузукъ и нехристъ!.. Лошадей нашихъ за ночь тоже накормили, а поутру насъ напоили чаемъ. За тѣмъ мы поблагодарили, какъ слѣдуетъ, за хлѣбъ за соль и отправились къ Александрополю. Версты съ четыре насъ провожали родственники плѣнныхъ, отъ которыхъ мы, съ разрѣшенія начальства, возили письма въ турецкій лагерь.

